

го въ покуркѣ всегда дороже; б., изъ одинаковаго количества и доброты смолья доставляютъ смолы почти вдвое болѣе печью, чѣмъ ямами и корчагами, на прим. изъ одной сажени смолья выкуриваютъ смолы ямами и корчагами до 2 осьмипудовыхъ бочекъ, а печью выгониваютъ изъ $\frac{1}{2}$ саж. смолья 2 бочки и болѣе.

4.) При гонкѣ смолы всѣми тремя способами, сперва (*) течетъ смоляная вода съ примѣсью древесной кислоты, смолы и соснового масла; за тѣмъ жидкая блѣватая смола съ эфирнымъ масломъ, при дальнѣйшемъ производствѣ бурая смола, а подѣ конецъ онаго буро-черная.

(*) Вотъ два перечня: а) сколько въ теченіи 15 лѣтъ поступило смолы изъ Архангельскаго порта въ иностранныя государства.

	Бочки.	Рубли.
Въ 1805 г	356,926	
— 18	455,895	— 492,674
— 24		413,289
— 25		452,598
— 26		489,040
— 27		622,807
— 29		515,189
— 33		415,946
— 33	76,237	— 465,588
— 37	104,652	— 399,356
— 38	117,720	— 734,402
— 39	88,480	— 307,510
— 40	159,652	— 541,113
— 41	101,108	— 285,333
— 42	—	— 103,238

Примѣчаніе. 1) Изъ всего этого количества $\frac{2}{3}$ принадлежитъ Вельскому уѣзду.

2) Замѣчательное колебаніе въ количествѣ и цѣнѣ происходило не столько отъ количества заготовки, сколько отъ требованій всегда завясающихъ

5.) Всей смолы въ Вельскомъ уѣздѣ выкуриваютъ сравнительно съ прочими уѣздами съверными двѣ трети.

6.) Сбываютъ ее, неговоря о употребленіи на домашнія надобности, частью на скипидарные мѣстные заводы, и частью то въ Ярославль, Москву и С.-Петербургъ, то водой въ Архангельскъ.

(Оконч. въ слѣд. нум.)

П. В.

II.

С М Ъ С Ъ.

О РУССКИХЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ПЬСНЯХЪ ИТА МОНГОЛЬСКАГО.

Сказка—ложь,

Пѣсня—быль.

(Р. пословица)

Въ наше время рѣшено, что основательное изученіе Русской Исторіи состоитъ въ знаніи не только внѣшней фактической, но и внут-

отъ внѣшнихъ причинъ. Отъ этого именно въ 1813 г бочка смолы стоила 4 р. 50 к., а въ 1844 г. 1 р.

б) Сколько въ теченіи 6 лѣтъ выкурено смолы собственно въ Вельскомъ уѣздѣ:

Въ 1846 г.	156,356	ведрь.
— 47	91,008	—
— 48	64,370	—
— 49	88,568	—
— 50	117,954	—
— 51	153,386	—

решиной жизни Русскаго народа, т. е. его вѣрованій, семейнаго быта, обычаевъ, нравовъ, языка, литературы,—однимъ словомъ всего, въ чемъ выразился его умъ и сердце, что содѣйствовало образованію его характера.

А первоначальныя черты характера нашего народа нигдѣ нельзя изучить такъ хорошо, такъ полно, какъ въ народной поэзіи, особенно исторической.

По этому мы надѣемся, что этотъ небольшой и, можетъ быть, слишкомъ поверхностный этюдъ историческихъ пѣсень одной изъ замѣчательнѣйшей для нихъ эпохъ,—не будетъ лишень нѣкотораго интереса для любознательнаго читателя.

Въ историческихъ пѣсняхъ народъ выражаетъ, какъ свои радости, свои славные подвиги,—такъ бѣдствія, горе и страданія; въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ, кажется, чувствуетъ внутреннюю потребность—излить свои чувства въ вдохновенной пѣсни.

Но крайней мѣрѣ такъ было у Русскихъ: такъ было въ славное царствованіе Владиміра, такъ было и въ тяжелое владычество Монголовъ.

При Владимірѣ народъ воспѣвалъ славу своего любимаго Князя—Солнышка (*), его блистательныя пиры и подвиги его могучихъ богатырей, память о которыхъ сохранилась въ народѣ еще и теперь (**); вообще

(*) Такъ называлъ народъ Владиміра.

(**) Въ особенности о знаменитомъ Ильѣ Муромцѣ.

эти пѣсни отличаются богатствомъ фантазіи большею частью грубой и суевѣрной, веселымъ, даже восторженнымъ тономъ (*).

Послѣ Владиміра, русская лира, кажется, замолкла; это была смутная пора междоусобій, когда Русь находилась въ какомъ-то «ощипленіи глухомъ». Явились Монголы со своимъ дикимъ фанатизмомъ, со своей варварской жестокостью, явились—и поработили Русь. Ужасъ оковалъ изнуренный народъ; страшное, невѣдомое до той поры горе глубоко, въ самое сердце поразило его; правда, несчастливъ былъ онъ и прежде; но тогда проливалъ кровь для своихъ Князей, жертвовалъ покоемъ и счастьемъ потомкамъ Владиміра—солнца,—а теперь поработенъ, притѣсенъ другимъ народомъ—языческимъ, дикимъ.

Хотя онъ, поправившись отъ перваго удара, покорился неизмѣнной волѣ Провидѣнія, свылся со своимъ горемъ, но уже не могъ забыть его и выразилъ кровавую эпоху въ своихъ безыскусственныхъ пѣсняхъ, которыя для насъ получили значеніе историческое. Это уже не тѣ веселія, часто удамыя пѣсни, которыя пѣлись про Владиміра: какъ прежде народъ выражалъ свое могущество, свою славу въ блестящихъ вымыслахъ, такъ теперь сталъ изливать свое горе въ граціозныхъ пѣсняхъ, болѣе исполненныхъ неподдѣльнымъ чувствомъ, нежели цвѣтами фантазіи.

Этотъ разнородный источникъ пѣсень про Владиміра и про Монгольское иго долженъ

(*) Объ этихъ пѣсняхъ см. въ Исторіи Русской Словесности, преимущественно древней, г. Шевырева.

былъ повидимому положить между ними самую рѣзкую грань; но, напротивъ, при первомъ взглядѣ мы видимъ въ тѣхъ и другихъ самое близкое сходство. Народу, кажется, нужны были и для новыхъ пѣсень герои—вѣрные защитники Христіанства, хранители Православной Руси, могучіе враги «ноганныхъ Татаръ»; онъ не хотѣлъ избрать героя изъ своихъ тогдашнихъ Князей, которые допустили другому народу завоевать Русскую землю и, вспоминая бывшее, оживотворилъ его въ новыхъ пѣсняхъ: въ нихъ онъ создаетъ новыхъ богатырей, живо напоминающихъ тѣхъ сподвижниковъ «Князя—Солица», которымъ онъ приписывалъ нѣкогда столько славныхъ, даже неестественныхъ подвиговъ, и даже вспоминаетъ незабвеннаго Владиміра.

Такимъ образомъ въ новыя пѣсни перешли и Князь Владиміръ и богатыри; но этимъ и ограничивается сходство или, лучше сказать, еродство пѣсень про Владиміра и про это Монгольское.

Что касается до внутренней стороны, то пѣсни объ игѣ даже противоположны пѣснямъ про Владиміра и вполне выражаютъ кровавый вѣкъ «темнаго владычества Татаръ»; онѣ постоянно проникнуты то глубокой, меланхолической грустью, то безотрадной, тяжелой тоской; то непримиримой ненавистью, то неумолимой мстью къ гонителямъ.

При этомъ надо замѣтить, что внѣшная форма пѣсень то-же эпическая, какъ и въ пѣсняхъ про Владиміра: вы постоянно находите рассказъ, гдѣ въ живыхъ картинахъ и образахъ, часто мѣтко характеризующихъ эпоху,—народъ или представляетъ положе-

ніе Руси, или выражаетъ свои завѣтныя чувства.

Вотъ ѣдетъ Михайло Казариновъ сослужить службу для Князя—Владиміра,—настрѣлять дикихъ птицъ, и видитъ онъ въ полѣ стоятъ три бѣлые шатра и сидятъ три Татарины. Передъ однимъ шатромъ ходитъ русская дѣвица и жалобно распѣваетъ:

«О, злощастная моя буйна—голова,
Горе—горькая моя русая коса,
А вечеръ тебя матушка расчесывала,
Расчесала матушка, заплетала;
Я сама дѣвица то знаю—вѣдаю:
Расплетать будетъ мою русую—косу
Тремъ Татаринамъ—наѣзникамъ.»

Неподдѣльною грустью дышетъ эта простая пѣсня: русская дѣвушка взята злыми Татарами въ плѣнъ, гдѣ должна увянуть,

«..... какъ ландышъ за стекломъ,
Или скорѣй, какъ блѣдный цвѣтъ подсых-
ный»; (*)

—робкая, кроткая—она оторвана отъ тихаго семейнаго быта, отъ попеченій родной матери; этимъ безчеловѣчнымъ поступкомъ въ пѣснѣ ярко охарактеризовано страданіе народа отъ своеволія Монголовъ; и вотъ плѣнница, вспоминая о бывшей безбурной жизни, когда она свободно жила подъ кровомъ своей хижины, въ грустной пѣснѣ передаетъ свое горе..... кому?... Богъ—вѣсть кому; самой-ли себѣ, или

(*) Лермонтовъ

синему полю, или необъятному небу, — она просто хочет съ кѣмъ-бы то ни было разделить свое страданіе; не таковъ-ли источникъ и всѣхъ историческихъ пѣсень ига Монгольскаго, — этихъ отголосковъ народнаго чувства въ минуты скорби и тоски?...

Казариновъ, — типъ вѣрнаго слуги Князя и добродѣтельнаго богатыря — Христианина, — узнаетъ въ дѣвицѣ свою сестру; онъ убиваетъ Татаръ, освобождаетъ сестру изъ плѣна и беретъ себѣ много золота, серебра и коней. (*)

Такъ ограбленный, притѣсненный народъ мечталъ о богатствѣ, отнятомъ у него-же варварами безчеловѣчнымъ образомъ. Прежде всего онъ, подлый сознанія своего горькаго несчастія, представилъ тягостъ ига, а потомъ, чтобы утѣшить свое сердце сблизилъ въ воображеніи Монголовъ съ Казариновымъ на ихъ погибель, — и Казариновъ, — второй Добрыня, второй Илья, (**)—могучей рукой уничтожаетъ почти цѣлую толпу варваровъ.

Вотъ другая картина, въ которой описано, какъ Монгольскіе Хань управляли Русью. Ханъ Азьякъ (***) награждаетъ своихъ шурьевъ русскими стольными городами «Василья на Илесеу, Гордѣя въ Вологдѣ, Ахромѣя въ Костромѣ»; не даетъ одному «Щелкану», который уѣхалъ собирать ханскія дани; онъ

«У кого денегъ нѣтъ, —
У того дитя возьметъ:

(*) Эта дѣяніе находится въ Сборникѣ у Кириши Данилова, который теперь, кажется, составляетъ библиографическую рѣдкость; см. стр. 69.

(**) Это богатыри, посѣтые народомъ при Владимірѣ
(***) см. е. Узбекъ.

У кого дитя нѣтъ, —
У того жену возьметъ;
У кого жены нѣтъ, —
Того самого возьметъ.»

Вотъ картина гражданской жизни Русскаго народа, характеризующая варварство завоевателей Руси. Далѣе вы видите характеристику дикаго фанатизма Монголовъ: Азьякъ принуждаетъ Щелкана убить сына и выпить чарку его крови, и за это награждаетъ своего вѣрнаго слугу «Тверью старою, Тверью богатою и двумя удалыми братьями Борисовичами». Тяжела-же была для Русскихъ эта власть, купленная такою страшною цѣною; но

«Не долго оцъ (Щелканъ) судьей сидѣлъ;
И вдовы то безчестити,
Красны-дѣвицы позорити,
Надо всѣми наругатися,
Надъ домами надсмѣхатися.»

Народъ пожаловался на него двумъ братьямъ Борисовичамъ; но какъ въ ту пору народъ вполне покорился Провидѣнію, всякое кровопролитіе считалъ бесполезнымъ, то и Борисовичи сперва пошли къ Щелкану съ дарами; когда-же тотъ «чести имъ невздавъ загордился» — они, выведенные изъ терпѣнія, убили его. (*)

Въ этой пѣснѣ открывается полная и яркая картина несчастнаго состоянія Руси, тѣмъ болѣе, что произшествіе, рассказанное въ ней, дѣйствительно было, хотя народъ, какъ говорится, передѣлалъ его на свой ладъ.

(*) Тотъ же пѣснникъ стр 72.

Карамзинъ рассказываетъ, что въ концѣ лѣта 1327 явился въ Твери Ханскій посоль Шевкаль, сынъ Дюденева (и въ пѣснѣ онъ названъ Дюдентьевичемъ) и двоюродный братъ Узбека, съ многочисленными толпами грабителей, хотѣлъ обратить Христіанъ въ Вѣру Магометанскую и убить Князя Александра Михайловича; узнавши это, народъ вооружился и выгналъ Шевкала изъ города (*).

И такъ въ пѣснѣ возстаніе нѣсколькихъ тысячъ народа приписано баснословнымъ братьямъ Борисовичамъ; это измѣненіе, свойственное тогдашнему духу народа, нисколько не отняло главнаго достоинства и интереса пѣсни; Борисовичи представляютъ собой любимыхъ защитниковъ народа, которые почему-то заслужили особенное уваженіе и довѣріе: къ нимъ народъ приходитъ жаловаться на притѣсненія, безъ ихъ совѣта онъ не смѣлъ или не хотѣлъ ни чего предпринять.

(Окончаніе въ слѣд. нум.)

П. Бунаковъ.

III.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ седьмой книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за Іюль мѣсяць 1854 года помѣщены слѣдующія статьи:

Отдѣленіе I. Дѣйствія Правительства по М. Н. Пр. за Май 1854: Высочайшія Повелѣнія. Министерскія распоряженія. Отдѣленіе II. Отрывокъ изъ Исторіи Черно-

горья. Соч. Медаковича. Пер. К. Петковича. О мраморномъ пьедесталѣ времени Босфорскаго Царя Перисада I. Г. Кѣне. Отдѣленіе III. Историческія рукописи Библиотеки Императорскаго Казанскаго Университета. Ст. П. А. Артемьева. Отдѣленіе VI. а) Книги, изданныя въ Россіи: Православное Нравственное Богословіе, составл. Архимандр. *Платономъ* (рец. П. К.) Сухоходный дорожникъ Европейской Россіи, издаваемый Гл. Упр. Пут. Сообщ. и Публ. Зл. Т. I. (рец. Л.) Сумароковъ и современная ему критика, соч. *Н. Булица* (рец. В. Гаевского). Обзорѣніе Русскихъ газетъ и журналовъ за 1-е трехмѣсячіе 1854 года: VI. Исторія Русская и Всеобщая. VII. Языкознаніе. VIII. Критика. IX. Исторія Литературы. X. Изящная Словесность. XI. Свободныя Художества. XII. Математическія Науки. XIII. Военныя Науки. XIV. Науки, относящіяся къ Мореплаванію. XV. Горныя Науки. XVI. Естественныя Науки вообще. XVII. Медицинскія Науки. П. Б. XVIII. Промышленность, Технологія и Сельское Хозяйство. И. Г. Отдѣленіе VII. *Указатель открытій, опытовъ и наблюденій по Математическимъ, Физическимъ и Естественнымъ Наукамъ*: Казанскія наблюденія надъ Оріоновымъ пятномъ.—Новости по Астрономіи.—Новости по Механикѣ.—Новости по Физической Географіи.—Происхожденіе и сущность теплорода.—Новости по Физикѣ.—Разложеніе борнокислыхъ солей сѣрнистымъ углеродомъ.—Новости по Химіи.—Приготовленіе сѣрной кислоты при вылавкѣ мѣди.—Новости по Зоологіи.—Новости по Ботаникѣ.—Исслѣдованіе марганцовистаго свинцоваго блеска.—Новости по Геологіи и Минералогіи. М. X. *Разныя извѣстія*: Худож-

(*) Исторія Государства Россійскаго; Т. IV ч. VIII.

того, какъ красный, такъ и зеленый скипидаръ, для улегучиванія смолянаго запаха держать во все дѣло на открытомъ воздухѣ въ бутылкахъ, безъ укупорки горлъ. Дровь при добываніи скипидара сжигаютъ до $\frac{1}{2}$ саж., а при перегонкѣ его въ зеленый и бѣлый до $\frac{1}{3}$ саж.

2.) Изъ сосновой сѣры, которая даетъ лучший скипидаръ, слѣдующимъ способомъ: предварительно, дно куба намазываютъ ворванью, впрочемъ не всегда и не вездѣ; потомъ, сообразуясь съ величиною куба, набиваютъ въ него, какъ можно плотнѣе, сѣры отъ 60 до 80 пуд. и вливаютъ въ оную отъ 40 до 50 ведръ воды; наконецъ разводятъ огонь и поддерживаютъ до 3 сутокъ, съ внимательнымъ наблюдениемъ, чтобы сѣра не вскипѣла, отъ чего, по мнѣнію опытныхъ скипидарныхъ мастеровъ, уменьшается количество скипидара. Процессъ разложенія сѣры такой же, какой мы видѣли въ смоляномъ, именно отъ дѣйствія жара тончайшія сѣрные частицы отдѣляются въ колпакъ въ видѣ паровъ и проходя отсюда нагрубкомъ в газотводную трубой чрезъ холодильникъ и, обратившись изъ паровъ въ капельную жидкость, въ семь послѣднемъ видѣ стекаютъ въ обрѣзъ; въ тоже время частицы сѣры, смолянистыя, отдѣлившись, просачиваются на дно куба, и, по прекращеніи паровъ, выпускаются краномъ и трубой въ холодильникъ: Перваго рода частицы составляютъ скипидаръ на половину болѣе съ водой (*), а

(*) Отдѣленіе воды отъ скипидара происходитъ очень просто, такъ какъ скипидаръ легче, а вода тяжелѣе, то первая всегда на верху, а послѣдняя на низу судна; и потому скипидаръ или сливаютъ или счерпываютъ изъ обрѣза изъ другое судно.

второго кашифоль, такъ, что изъ сѣры отъ 60 до 80 пуд., въ кубъ положенной, получается отъ 6 до 8 бочекъ бѣлаго скипидара, и отъ 20 до 30 пуд. кашифоль (*). Дровь на всю операцію издерживается $\frac{1}{2}$ саж.

Само собою разумѣется, что количество и доброты скипидара зависятъ какъ отъ качества матеріаловъ, такъ и отъ умѣнья мастера.

Весь (**) скипидаръ, добываемый на Вельскихъ заводахъ, поступаетъ въ продажу въ Ярославль, Москву и частью въ С.-Петербургъ.

И. В.

II.

С Ш Ъ С Ъ.

О РУССКИХЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ПѢСНЯХЪ
ИТА МОНГОЛЬСКАГО.

(Окончаніе.)

Перейдемъ къ другимъ пѣснямъ.

Естественно, что страдая, перенося всевозможныя притѣшенія и не видя конца своимъ

(*) Кашифоль вещество цвѣта коричневожелтого, полупрозрачное, твердое и хрупкое.

(**) Имяно: въ 1846 году 1796 пуд.

47	—	2,844	—
48	—	2,492	—
49	—	1,700	—
50	—	1,250	—
51	—	1,324	—

бѣдствіямъ, народъ Русской все болѣе и болѣе, все сильнѣе и сильнѣе кишѣлъ ненавистью и мстью къ своимъ гонителямъ.

Эту ненависть онъ хотѣлъ передать и потомкамъ своимъ въ трогательныхъ и характеристическихъ пѣсняхъ: колыбельно-историческихъ (*). Какъ будто мать, укачивая свое дитя, хочетъ вложить въ него съ самыхъ раннихъ лѣтъ эту глубокую ненависть, хочетъ передать ему свои завѣтные чувства,— и для того представляетъ самыя страшныя, самыя яркія картины:

«По горамъ, по горамъ
По высокімъ,
По раздольцамъ,
По широкімъ,
Тутъ огни горятъ
Негасимые,
Злы Татарове
Тутъ полонъ дѣлать,
Доставалося.
Тѣща зятю въ плѣнъ;
Онъ отвезъ ее
Къ молодой женѣ.
«Ахъ и вотъ тебѣ,
Молода—жена,
Полоняночка
Съ Руси русская!
Ты заставь ее
Три дѣла дѣлать:
Что и первое—
То дитя качать;
А другое—то—

Тонкій кужель прятать:
Что и третье—
То выплять насти»—
—«Ты—баю, баю
Мое дитятко!
Ты по батюшкѣ
Злой татарченокъ,
Ты по матушкѣ
Милъ впученочекъ;
Вѣтъ твоя-то мать,
Миѣ родная дочь:
Семи лѣтъ она
Во полонъ взята,
На правой рукѣ
Нѣтъ мизинчика.
Ты—баю, баю
Мое дитятко!»
Какъ услышала
Тутъ Татарочка,—
Она кинулась,
Она бросилась
На бѣлы руки
Къ своей матушкѣ:
«Ахъ родимая,
Моя матушка!
Выбирай себѣ
Коня лучшаго:
Мы бѣжимъ съ тобой
На святую Русь
На святую Русь
Нашу родину!»

Какъ было не вздрогнуть сердцу русскому, слушая такую заунывную пѣсню! Недалеки видны тѣ критики, которые смятся доказать, что эти пѣсни сложены послѣ ига,— нѣтъ! чтобъ разувѣриться въ этомъ, стоитъ прочесть самыя пѣсни,—пусть онѣ передѣланы, измѣнены, искажены, но все-же

(*) Эти пѣсни можно найти въ Сборникѣ г. Сахарова; томъ IV, стран 598.

токи въ нихъ есть много, много живо напоминающаго давнымъ — давно бывшее время «Татарщины.»

Въ порывѣ негодованія мать завѣщаетъ своему дитяти страшную, неумолимую мечь:

«Встань,—пробудись, до дитятко,

Снимай со стѣны сабельки,

Баю, баюшки, баю!

Снимай со стѣны сабельки,

И всѣ-то мечи булатные;

Баю, баюшки, баю!

Ты коли, руби сабельками

Злыхъ Татаръ съ Татарченками,

Баю, баюшки, баю!

Ты сѣки, кроши губителей

Все мечами да булатными,

Баю, баюшки, баю,

Баю, мое дитятко! (*)

Но и страдая, народъ, крѣпкій вѣрой, надеждой и любовью къ Богу, былъ увѣренъ, что рано или поздно ослабнетъ грозная орда, «пройдетъ бѣда наносная,»—и вновь разцвѣтетъ православная Русь: все это прекрасно выражено въ одной изъ колыбельныхъ пѣсень, гдѣ обрисовано и ужасное нашествіе Монголовъ, и ихъ жестокости, и твердое упованіе на будущее счастье; мы приводимъ ее вполнѣ:

«Сни, усни, мое дитятко,

Покуль гроза пройдетъ,

Покуль бѣда минетъ!...

Баюшки—баю

Баю, мое дитятко!

Сни, усни, мое дитятко!

Гроза пройдетъ страшная,

Бѣда минетъ наносная!

Баю и проч.

Сни усни мое дитятко!

Твоя матушка—поломяночка,

Твой батюшка—поломяночекъ!

Баю и проч.

Злые Татары набѣгали,

Дома, теремы сожигали,

Старыхъ стариковъ убивали.

Баю и проч.

Молодыхъ въ полощъ полонили,

Животы по себѣ дѣлили,

Баю и проч.

Разлучили тебя дитятко,

Съ родимой-ли матушкой,

Баю и проч.

Отогнали прочь, дитятко,

Твоего батюшку родимаго,

Баю и проч.

Ты расти, расти, дитятко,

Въ крѣпости и младости,

Баю и проч.

Тутъ у тебя-ли на дворѣ,

Стоитъ теремъ одишехонекъ,

Безъ батюшка и матушки,

Баю и проч.

Безъ твоей молодой жены.

Ты сѣдай коня вороного,

Баю и проч.

Ты скачи въ орду золотую,

Вывези батюшку роднаго,

Баю и проч.

На святую-ли Русь,

Вывези матушку родиму,

Баю и проч.

На широкой-ли дворѣ

(*) Окончаніе другой колыбельной пѣсни.—

Вывези молодую жену
 Въ теремъ изукрашенный.
 Баю, баюшки, баю!
 Баю, мое дитятко!

Подъ такіе грустные мотивы выросли сподвижники героя Донскаго,—будущіе спасители Отечества!

Этимъ окончимъ разборъ Русскихъ историческихъ пѣсень про иго Монгольское.

Если въ поэзіи выражается духъ народа,—то изъ этихъ пѣсень мы видимъ, что подъ гнетомъ ига, страдая и тоскуя, тая ненависть и месть, Русскіе постоянно были одушевлены непоколебимой вѣрой въ спасеніе: они твердо надѣялись, что рано или поздно Русскій крестъ заблеститъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ водворились варвары: не отъ того-ли такъ полны восторга пѣсни колыбельныя? Не отъ того-ли такъ граціозна пѣсня про Казаринова (см. выше)? Неувлеченный-ли этой надеждой, народъ сближаетъ своихъ гнителей и съ богатырями?...

Кажется никакой связи, никакого малѣйшаго сближенія небыло между побѣдителями и побѣжденными,—ненависть и месть постоянно жили и возрастали вмѣстѣ съ силой въ Русскихъ; читая пѣсни, невольно увѣришься, что иго Монгольское должно было рушиться, и всякіе чужеземные завоеватели никогда не поработаютъ на долго Русскихъ: съ тѣми чувствами, которыя выразили они въ эпоху Монгольскую, народъ достоинъ не только быть вѣчно самостоятельнымъ, но и властвовать надъ другими народами,—и назначеніе его:

«Хранить для міра достоянье
 Высокихъ жертвъ и честныхъ дѣлъ.
 Хранить племя святое братство,
 Любви живительный сосудъ,
 И вѣры пламенной богатство,
 И правду, и безковный судъ.» (*)

По нашему мнѣнію въ пѣсняхъ про иго также рѣзко запечатлѣлись: покорность Русскаго народа волѣ Провидѣнія, твердость и мужество въ бѣдѣ, неудержимое стремленіе къ независимости и возвышенная любовь къ Отечеству.

Съ эстетической точки зрѣнія хотя онѣ не исполнены причудливыми фантастическими вымыслами, которыми отличается большая часть пѣсень про Владимира, но за то полны глубокаго чувства и представляютъ тѣмъ не менѣе интересныя, часто чрезвычайно мѣтко схваченныя съ природы и поэтическія картины эпохи.

Въ пѣсняхъ про Владимира народъ создавалъ изъ своего воображенія яркіе колоритные образы, которые поражая воображеніе, мало дѣйствуютъ на сердце,—тамъ выражалось гордое сознаніе физическихъ иль олицетворенныхъ въ видѣ богатырей; въ пѣсняхъ же про иго мы видимъ картины простыя, большею частію взятыя прямо изъ жизни, часто ужасныя и кровавыя, но вполне соответствующія тогдашнему положенію Россіи; видимъ проявленіе глубокаго, задушевнаго чувства, отъ фантастическаго міра народъ, кажется, началъ обращаться къ дѣ-

(*) Хомяковъ.

святельности, впрочемъ не оставляя еще своихъ, нѣкогда любимыхъ созданий.

Вообще пѣсни про него монгольское—яркій отпечатокъ эпохи и много говорятъ Русскому уму и Русскому сердцу.

П. Бунаковъ.

III.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отъ опекуновъ надъ имѣніемъ и малолѣтними мѣщанскими дѣтьми Суровцовыми объявляется, что будетъ продаваться движимое имѣніе, заключающееся въ платьѣ и прочихъ вещахъ, а равно и находящіеся при домѣ Суровцовыхъ деревянные срубы съ матеріалами, оцѣненные въ 20 руб. Продажа будетъ производиться во 2-й части г. Вологды, въ Мѣховомъ ряду въ лавкѣ подъ № 8-мъ съ 16 числа Октября, съ 10 до 4 часовъ пополудни каждодневно, кромѣ воскрес-

ныхъ и праздничныхъ дней. Желающіе имѣютъ явиться къ опекунамъ мѣщанамъ Дьяконову и Сверчкову.—1.

Наслѣдниками умершаго мѣщанина Евграфа Попугаева будетъ продаваться оставшееся послѣ него имѣніе, заключающееся въ мѣдныхъ и желѣзныхъ вещахъ, платьѣ, постеляхъ съ подушками и бѣлой замшѣ, также и деревянный домъ съ землею. Продажа будетъ производиться въ самомъ домѣ Попугаева, состоящемъ г. Вологды 2-й части за Девичимъ монастыремъ, 12, 15, 19 и 22-го числа сего Сентября съ 2-хъ до 5-ти часовъ по полудни.—3.